

Пролог

НАРКОМОВСКАЯ ОТТЕПЕЛЬ

Приход весны всегда олицетворяется с началом новой жизни, чего-то светлого и радостного, что одним своим видом дарит людям надежды на лучшее. Именно это согревает порядком остывшие за долгую зиму души, заставляет биться сердца, строить планы на жизнь.

Весна — прекрасная пора, и как трудно и горестно встречать ее, находясь в темной и тесной камере. Когда все твое людское существование рвется наружу сквозь зарешеченное окно, а крепкие толстые стены тебя не пускают, и от осознания собственного бессилия хочется выть во все горло.

Комдив Константин Рокоссовский, находившийся в заключении в знаменитых «Крестах» вот уже второй год, по своей натуре был крепким и волевым человеком. Арестованный в конце тридцать седьмого года по так называемым «национальным спискам», он мужественно держался на многочисленных допросах, категорически отказываясь признать себя виновным в предъявленных обвинениях и давать какие-либо признательные показания, несмотря на тот широкий арсенал мер принуждения, что имелся в распоряжении следователя.

С детства привычный к тяжелой работе, сильный и выносливый Рокоссовский не испугался угрозы применения против него грубого физического воздействия. Чтобы добиться «чистосердечных признаний» и заставить несговорчивого комдива полностью «разоблачиться», следователь был вынужден звать на помощь еще двоих своих товарищей по нелегкому делу в розыске притаившейся «скверны» в рядах РККА.

Били они его со знанием дела, долго и упорно, днем и ночью, но Константин Константинович мужественно выдержал посланные ему судьбой и людьми мучения. Две недели простояв на непрерывном «конвейере», он не признал себя виновным ни по одному пункту из предъявленного ему обвинения.

Обозленный неудачей следователь засунул упрянца Рокоссовского на неделю в холодный карцер, после чего приступил к более изощренной осаде, под названием психологическое давление. Как показывала практика, этот метод довольно часто приносил успех там, где были бессильны дубовые кулаки и резиновые палки.

Суть его заключалась в том, что любому человеку в психологическом плане крайне трудно свыкнуться со своим пребыванием в тюрьме. Ведь совсем недавно он был свободным человеком со всеми правами и возможностями, и вдруг он бесправный арестант, без какой-либо перспективы на возможность скорого освобождения.

Столь сильный психологический удар люди переносят по-разному. Однако точно замечено, что люди, занимавшие до ареста высокие посты и должности, переносили подобные изменения гораздо тяжелее, чем простые смертные.

Ведь еще вчера он был всеми уважаемым и заслуженным человеком. От него зависели судьбы сотен и даже тысяч людей, многие из которых всеми силами пытались добиться от него расположения и поддержки. В руках его имелись рычаги власти, благодаря которым он чувствовал себя «почти небожителем», и вдруг всего этого нет.

Почетное оружие, которое было предметом твоей личной гордости и зависти для других, отобрано вместе с командирским ремнем и презрительно брошено в мешок с вещественными доказательствами. Высокие знаки различия и боевые награды вырваны с твоего мундира, что называется «с мясом». А сам ты оказываешься в маленькой камере, так плотно набитой людьми, что приходится спать сидя на корточках.

Так проходит день, другой, третий, после чего — полностью раздавленного подобным унижением — тебя ведут на допрос, где зеленый сопляк в чине «сержанта государственной безопасности» начинает над тобой откровенно издеваться. Он светит тебе в лицо лампой, пускает в лицо дым от папиросы. Хватает тебя за ворот гимнастерки и громко кричит в ухо: «Ты у меня, гад, сознаешься! Ты у меня дашь показания, тварь, на себя и своих дружков, врагов народа!»

При этом тычет в лицо окурком и хлестко бьет тебя по губам и носу, от чего у тебя бежит кровь, и ты вдруг ощущаешь никчемность своего существования. И по прошествию времени соглашаешься подписать нужные бумаги, лишь бы все поскорее закончилось.

Комдив Рокоссовский мужественно прошел и через эту пытку. На все крики и угрозы отвечал презрительным взглядом, а когда следователь разбил ему в кровь губы, он ухитрился смачно плюнуть кровью прямо на гимнастерку своего мучителя. А когда тот

в порыве гнева ударил его по незажившим ребрам, он так пронзительно на него посмотрел, что тот больше не стал близко к нему подходить. Вдруг снова плюнет или ударит головой, такие случаи редко, но бывали в жизни следователя.

Не поддался Константин и искушению оговорить невинных людей, как это делали от чувства безысходности многие другие командиры, попав в «гости» к Николаю Ивановичу Ежову. Руководствуясь простым и гадким принципом «раз я страдаю, так пусть пострададут и другие», они в угоду следствию перевирали свои разговоры с людьми, на которых собрались дать показания, а зачастую их просто выдумывали. Некоторые, приходя с допросов, с гордостью говорили: «Сегодня дал признательные показания еще на пятнадцать человек!»

Трудно осуждать сломленных боями и издевательствами людей за такие поступки. Каждый в экстремальной ситуации действует так, как подсказывает ему собственная совесть, но только участь этих людей была незавидная. В подавляющем числе случаев подобное соглашательство и помощь следствию заканчивались для них расстрельной стенкой. Специальные военные суды и заседания не знали жалости «к изменникам Родины», руководствуясь принципом «предавший один раз предаст снова».

Единственным слабым местом в броне комдива Рокоссовского была семья. Полная неизвестность относительно судьбы жены и дочери доставляла ему куда больше боли, чем побои, грубость и унижение со стороны следователя.

От арестованных командиров Рокоссовский знал о незавидной судьбе семей «изменников Родины». Сразу после ареста «изменника» его семья в 24 часа

выселялась из казенных квартир и должна была самостоятельно искать себе жилье и средства к существованию. Многие под давлением обстоятельств были вынуждены публично отказываться от мужа и отца, доказывая этим самым свою непричастность к его «вредительской деятельности».

Черные мысли ежечасно точили душу комдива, но мир всегда был не без добрых людей. Непонятно каким чудом, но семья узнала, где содержится комдив, и даже смогла отправить ему сначала письмо, а затем и посылку. Ее содержимое было крайне скромным, но для Рокоссовского был крайне важен сам факт ее получения, благодаря чему он знал, что «у них все хорошо, мама работает, а дочь учится».

Эта маленькая весть с воли, прорвавшая невыносимо долгую блокаду неизвестности, придала Константину Константиновичу новые силы к сопротивлению и борьбе за свою жизнь, честь и доброе имя. С этого момента многое переменялось в жизни бывшего командира корпуса, а ныне арестанта Рокоссовского.

В конце 1938 года сменился нарком внутренних дел, и это сразу сказалось на поведении следователей. Не зная, чего ожидать от нового руководства, они уже не так активно выколачивали признания у подсудимых. Следственная машина по разоблачению «врагов народа» стала работать на холостых оборотах, а в первых числах марта, после поступившего приказа с самого верха «разобраться!» и вовсе встала.

Прекрасно понимая, что заварившим кашу следователям самостоятельно будет крайне сложно ее расхлебать, нарком приказал создать специальные комиссии, в которые были включены представители различных ведомств и учреждений. Чтобы разбирательство было

действительно разбирательством, а не попыткой сохранить «чистоту мундира».

Одна из таких комиссий и прибыла в «Кресты», чтобы решить вопрос о так называемых «висяках» — делах, по которым долгое время не было результатов. В числе тех дел, что были затребованы этой комиссией, было и дело комдива Рокоссовского.

Начальник комиссии, старший майор госбезопасности Громогласов был колоритной фигурой. Плотный, коренастый, невысокого роста, он всем своим видом напоминал больше лихого лесоруба, на которого совершенно случайно надели «почти генеральский мундир» чекиста.

С самого начала своей деятельности на посту начальника комиссии Громогласов не знал, что ему делать. По-хорошему, в его понятии следовало бы дать следователям нагоняй, чтобы лучше работали со своими подследственными. С кого надо — строго спросить, а кого-то по-отечески пожурить. Одним словом: «Проверка проведена, нарушения выявлены, на них указано, ждем результатов». Все ясно и понятно, комар носа не подточит.

При прошлом наркоме такого итога работы комиссии было вполне достаточно, но новая метла мела по-новому. Новому наркому такой результат был явно не нужен. Приведя с собой свою команду, он принялся чистить авгиевы конюшни своего предшественника. И первыми под эту чистку попали «кольщики», чьей работой так восхищался бывший генеральный комиссар государственной безопасности.

Все это наводило на неприятные размышления, от которых нужно было держать ухо востро.

Также большую настороженность и откровенное непонимание для Громогласова вызывал состав комис-

сии. Из чекистов в ее составе был только он да капитан Чайка, все остальные были для него чужими, и, следовательно, на полное понимание с их стороны старшему майору рассчитывать не приходилось.

Особое беспокойство Громогласову доставлял очкастый военный юрист 3-го ранга, неизвестно как попавший в состав комиссии. С самого начала работ он держался несколько обособленно. По прибытии в «Кресты» он отказался от предложения начальника тюрьмы перекусить чем бог послал и попросил предоставить дела заключенных согласно поданному списку.

В открытую конфронтацию с Громогласовым он не вступал. Ни одно из его распоряжений военюрист не подверг критике и не высказал свое несогласие с ними. Однако при этом постоянно делал записи в своем большом блокноте, что очень напрягало старшего майора.

— Сейчас все хорошо, а потом напишет за спиной черт знает чего, и тогда поминай как звали. Знаю я таких тихонь, — доверительно говорил Громогласов Чайке. — Ты смотри, приглядывай за ним. Чует мое сердце, оберемся мы с ним неприятностей.

Засев в «Крестах», комиссия работала ни шатко, ни валко. Уловив командный посыл сверху о необходимости вскрыть недостатки и восстановить законность, на несколько из предоставленных дел было вынесено решение об их прекращении. Часть дел были отправлено на исследование с новым следствием, с коротким сроком исполнения и взятием их на контроль. Оставшиеся дела были возвращены прежним следователям с грозным приказом: «Лучше работать надо!»

Поданное Громогласову дело Рокоссовского вызвало у него нескрываемое раздражение. Оно было толстым, а у старшего майора уже порядком устали глаза.

Ему очень хотелось покинуть тюрьму и отправиться на загородную дачу отдохнуть от трудов праведных.

— Рокоссовский Константин, — прочитал Громогласов фамилию арестованного командира, — поляк?

— Так точно, товарищ старший майор. Взят по польскому списку согласно приказу товарища Ежова от июня 1937 года, — бодро доложил следователь. То, что Ежов был только снят с должности, но еще не арестован и не осужден, оставляло следствию пространство для пусть малого, но маневра. Ведь исполнялось приказание наркома внутренних дел, а не разоблаченного шпиона иностранной державы.

Громогласов перевернул несколько страниц дела и все понял. Комдива арестовали как поляка, и главный упор делался на показания арестованных «забайкальцев». Начавший дело следователь хотел связать несколько дел в один большой заговор, но это у него не получилось.

«Раззява. Ломать нужно было быстрее, тогда бы все и срослось, и по срокам и по показаниям. А так время упущено, и вместо большого веника разрозненные прутья», — зло подумал про себя Громогласов.

— А что сослуживцы, почему от них так мало показаний на Рокоссовского?

— Хитрый и осторожный этот комдив. Все делал строго по приказу, никакой самодеятельности. Всегда выступал на собраниях в поддержку политики партии и правительства. С арестованными врагами народа имел контакты исключительно по службе, личных контактов нет. Единственный его прокол в том, что высказал сомнение по поводу ареста корпусного комиссара Шестакова, который, кстати, саморазоблачился и дал признательные показания, в том числе и на самого Рокоссовского, — следователь позволил себе усмехнуть-

ся. Самую малость, ибо того, что наговорил комиссар Шестаков, хватало на обвинение комдива в ротозействе и головотяпстве при проведении войскового учения, но никак не на расстрельную статью.

Громогласов перелистнул еще несколько страниц допросов и вздохнул. Имевшегося в деле материала не хватало, чтобы сделать из комдива «японского» шпиона или пустить по ленинградским и псковским делам о военных заговорах. Начавший расследование следователь вел дело исключительно по шаблону. Сделав главную ставку на то, что сумеет сломать подследственного, он вовремя не стал собирать на него дополнительный компромат, и вот результат.

«Сто чертей ему в печенку. Понабрали черт-те знает кого из всякого там Крыжополя, вот и результат», — зло подумал старший майор в адрес этого неумехи, чью плохую работу ему предстояло разгрести. Сам он, правда, был родом из Волочка и москвичом стал чуть более пяти лет назад, но это не мешало ему всей душой не любить «лимитчиков», понаехавших в столицы.

— В отношении комдива Рокоссовского просил разобратся нарком Тимошенко, — подал голос молчавший все это время военюрист.

— И что? Я таких указаний от товарища Берии не получал, — негодуяще заметил чекист, развернувшись в его сторону на стуле. Он хотел повернуть голову, но из-за жесткого ворота мундира вынужден был повернуть все тело. Майор ожидал, что очкарик вступит с ним в перепалку, но этого не произошло.

— Я только посчитал должным проинформировать вас об этом, товарищ старший майор, — абсолютно нейтральным голосом сказал военюрист.

«Паразит, специально сказал это при свидетелях...» — понял Громогласов, и, словно подтверждая

его опасения, в дело вступил Пикин из наркомата контроля. Сидевший там нарком Мехлис не особенно жаловал чекистов Ежова.

— Есть мнение направить это дело на дорасследование с заменой следователя и постановкой на контроль, — предложил Пикин, и очкарик тут же кивнул головой в знак согласия.

— Это будет уже двенадцатое дело... — многозначительно произнес Громогласов, пытаясь привести в чувство слишком далеко зашедших правдолюбцев. Передача дела на новое расследование после специальной директивы наркома о запрещении применения физического воздействия к арестованным с ограниченным сроком следствия в большей степени означала прекращение дела.

Голос чекиста и его воинственная поза возымели действие. Пикин с остальными членами комиссии несколько смутились, поняв, что может произойти перерасход отпущенного лимита, но военюрист моментально нашел лазейку.

— Хорошо. Давайте напишем протокол разногласий, где каждая из сторон выскажет свое мнение и подкрепит его фактами, — ловко плеснул маслицем на огонь крючоктвор, и Громогласов закачался. Писать, а уж тем более обосновывать свое мнение ему как-то не хотелось. Он вопросительно посмотрел на Чайку, но тот только скорбно молчал. Писать и обосновывать свое мнение ему тоже не хотелось. Дело ведь касалось не командарма или комкора, а простого комдива.

— К чему вносить раскол в наши ряды? Если есть мнение, то давайте направим на доследование... — нехотя согласился Громогласов, но и этого очкарику было мало.

— Если комиссия не возражает, я хотел бы задать несколько вопросов арестованному комдиву Рокоссовскому.

— Какие еще вопросы? — сразу насторожился чекист.

— Относительно условий его содержания.

— Зачем это? Условия содержания арестованных у нас одни и те же для всех, сносные. Других нет и не будет.

— Вот пускай он это и скажет.

— Что скажет?

— Что сносные условия.

— Глупости все это, — уверенно громыхнул чекист, но крючоктвор не унимался и вновь плеснул масла в огонь.

— Хорошо, я так и отпишу, что присланные мне вопросы признаны глупостью, — произнес юрист, хитро не уточняя, куда и кому следует отписать.

Весь кипя от негодования, Громогласов вперил в юриста свой тяжелый взгляд, готовый прожечь его насквозь, но в их ментальную дуэль вмешался Пикин.

— Товарищ Громогласов. Если товарищ военюрист просит, пусть приведут арестованного. Пусть он ответит на вопросы, если это надо. Много их у вас?

— Около десяти, товарищ Пикин.

— Вот видите, товарищ Громогласов. Пусть ответит, и секретарь начнет оформлять бумаги по результатам нашей работы.

Не будь в составе комиссии Пикина и товарищей из госконтроля, Громогласов послал бы крючоктвора ко всем чертям с его вопросами, но, увы, не мог этого сделать.

— Хорошо. Герасименко, распорядитесь! — приказал Громогласов чекисту, и тот пулей выскочил из ка-